

Книжное обозрение. - 1994. - 23 авг. - с 5.

Лев ОЗЕРОВ: «ЕСЛИ ПАУЗА ЗАТЯГИВАЕТСЯ, ПРОПАДАЕТ МУЗЫКА...»

— Однажды мы гуляли по лесу с Борисом Леонидовичем Пастернаком, и он сказал: «Это не совет, а опыт моей жизни или беглое замечание, о котором думаешь, глядя на этот осинник: я, кажется, правильно сделал, что в свое время изъясился из банки с пауками...»

Так начался наш разговор с большим другом «КО», давним нашим автором и многолетним членом редколлегии, писателем, поэтом, переводчиком, литературоведом ЛЬВОМ ОЗЕРОВЫМ. Автор многочисленных книг поэзии, переводов с языков народов СССР, статей и отдельных изданий, посвященных Батюшкову, Пушкину, Баратынскому, Тютчеву, Фету, Блоку, Ахматовой, Пастернаку, Ушакову, Лев Озеров продолжает и по сей день свою битву на трудовом фронте. «Военизированность» терминологии тем уместнее, что старейшина российского писательского цеха борется с пошлостью, банальностью, непрофессионализмом, безграмотностью, халтурщиками, воспитывая молодяков в Литературном институте... Наш разговор проходил накануне 80-летия Льва Озерова, но характер беседы был совсем не юбилейный.

— Лев Адольфович, кто, как ни сам человек, знает о себе все лучшее и не лучшее... Особенно, если человек разменивает восьмой десяток. Если бы я вас попросил сказать несколько теплых слов о себе, что бы вы произнесли?

— Я привык о себе молчать: когда работаешь — это лучшее состояние. Литературная болтовня и все, что болтается вокруг литературы, это против меня, это мне мешает работать всю жизнь. Я — рабочий человек. Всякого рода юбилейные даты от меня отскакивают. Есть начало работы, середина работы — наиболее интересная, горячая пора, есть окончание работы — пора нежеланная... У меня так заведено, что я работаю параллельно над несколькими книгами: всю жизнь! Есть люди, которые не могут продвигаться к следующей строке, не усовершенствовав первую. Я признаю таких людей, но у меня — по-другому. Чем бы я ни занимался (писал ли прозу, работал ли со студентами и аспирантами Литинститута, читал ли книгу) — если приходит стих, приходит стихотворная строка, то она ведет себя, как санитарная или пожарная машина: идет на красный свет, обязательно пробивается сквозь другую работу. Потом, когда дело сделано — в виде черновика, наметок, — я возвращаюсь к прерванной работе.

К читателю я никогда не торопился. Считал, что к нему нужно выходить с проверенными сочинениями...

— Здесь вы воинствующе немодны: нынче к читателю выходят с полуфабрикатами, а он сам, как фабрика-кухня, кулнарничает. Некоторые так и проглатывают писательский полуфабрикат — в несваренном виде.

— Оглядываясь, впервые и, может быть, по-настоящему, я вижу, что там многое поумнело, пока лежало. Я, например, никогда никому не показывал ни малую, ни большую прозу. Сейчас у меня есть возможность ее отобрать для представления. Я никому не показывал свою книгу об акмеистах. Не показывал книгу о Пастернаке (только отдельные ее части), вторую книгу о Тютчеве (первая была издана)... Сейчас у меня горячая пора, когда я должен положить на бочку лучшее из того, что сделал.

Я много выступал, но, говоря откровенно, это часто мне мешало: разрушало сосредоточен-

ность. Верно сказала Мария Петровых: до стихов надо до-молчаться. Хороший глагол — «домолчаться»! — не торопиться с выводами. Сейчас я мог бы положить на стол несколько книг. Что же мешает? Посмотрите вокруг: мы видим апогей коммерческого периода книгоиздания; Чичиков запрягает свою бричку и едет по помещикам, покупая мертвые души; во всю внедряются идеи активной коммерциализации литературы (а она-то противопоказана культуре!); наша культура получила по голове первый решительный удар — и прежде всего поэзия... Мне было возвращено четыре книги — стихов, прозы, исследований... Первую книгу возвратили из Литвы...

— Вы же много переводили литовскую поэзию...

— Не только литовцев, но и украинцев, грузин, осетин... Дело в том, что сейчас все это разбито... Горько от того, что мои друзья в бывших республиках — мне больно произносить слово «бывшие» — не отвечают на письма. Неужели поэты должны повторять «подвиг» наших политиков? Культура всегда жила обменом. Сейчас он порушен. Это ужасный удар и по людям, и по самой культуре и ее судьбе.

— Лев Адольфович, по-моему, поэты здесь следуют отнюдь не примеру политиков: посмотрите, как политики сейчас начинают находить общий язык в своих переговорах... Начинается период протягивания рук друг другу — дабы избежать эпохи протягивания ног.

— Может быть, политики сделали уже какие-то выводы. Но сами поэты находятся в снулом состоянии.

— Или здесь следует говорить о состоянии общего уныния...

— Я бы назвал это крепче: подавленность. Не знаю, сколько она продлится, но такая пауза для культуры может дорого стоить. Паузы должны быть для ритма во всяком случае, но если пауза затягивается — пропадает музыка.

— О какой паузе для культуры вы говорите? Поэты пишут стихи и могут их печатать как хотят и где хотят. Издается все, что можно и нельзя (в эстетическом смысле!) издавать. Уверен, Лев Озеров, если найдутся спонсоры, может сейчас издать все, что написал, — без сования носа в его творческие дела «компетентных органов».

— Я спонсоров не ишу, они мне не нужны. Я никогда не сто-

ял с протянутой рукой. Пусть книги лежат — лишь бы они были! Сейчас зашевелилась всякого рода литературная мелюзга, всякая литературная нечисть, которая пользуется правом издавать все, что угодно. Благо обернулось вседозволенностью. Добавим к этому отсутствие воспитания, вкуса, такта — и напротив наличие великого тщеславия, которое кусает людей... Это идет во вред культуре.

Вы говорите, что сейчас стало легко издаваться. Кому? У нас лежат в запасе прекраснейшие рукописи поэтов. Если сейчас литература прервалась бы на 20 лет, все равно можно было бы заполнить пустоту перво-класснейшими произведениями...

— Давайте поможем издателю: что Лев Озеров посоветовал бы российским издателям выпустить из «запасников» нашей культуры?

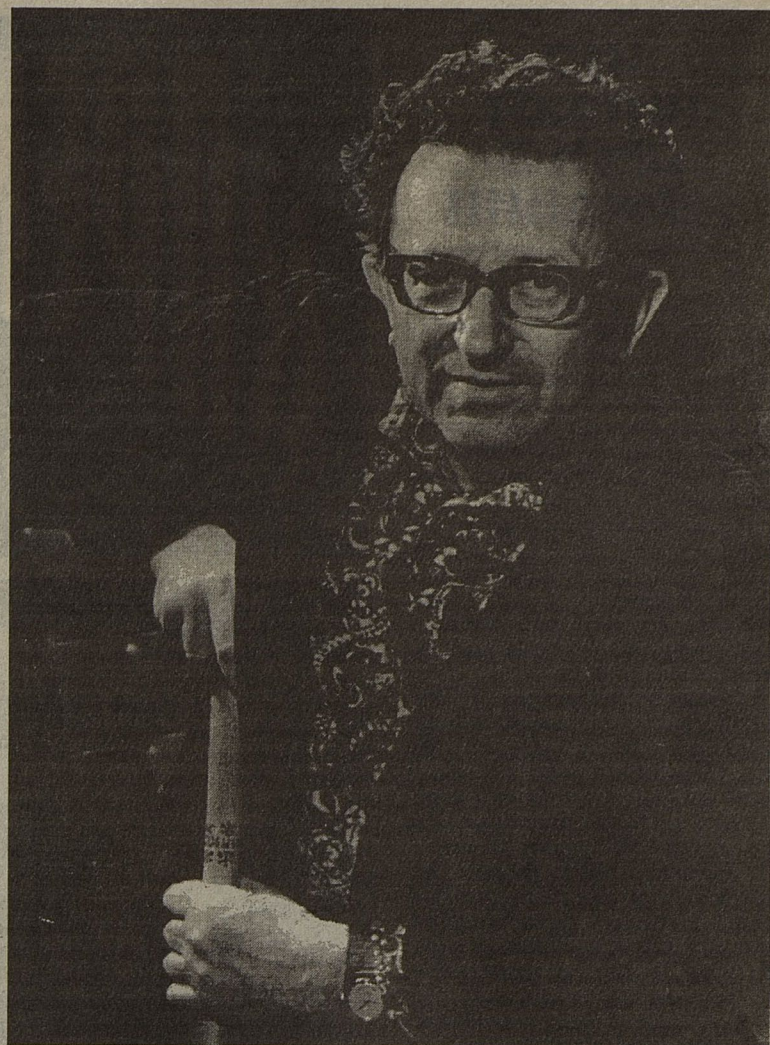
— Очень многое! Произведения Сергея Павловича Боброва, который известен у нас как стиховед, но плохо известен как прозаик и поэт. А поэт он перво-степенный! Надо издать Александра Кочеткова, Георгия Шенгели (о чем так рьяно хлопотала Анна Ахматова!). Следует по-настоящему издать Арсения Тарковского, Давида Самойлова, Владимира Державина... Говоря о «запаснике» российской поэзии, хотел бы назвать Петра Семенина, Георгия Оболенева, Сергея Бондарина, Вадима Стрельченко, Веру Звягинцеву, Клару Арсеньеву, Арго, Антона Пришельца, Александра Архангельского, Рувима Морана. Я работаю над книгой «Незаметные или незамеченные». Одно дело — незамеченные. Бог с ними! Но незамеченные — это уже наша беда.

Мне пришлось с семьей покойного Михаила Александровича Зенкевича разбирать его рукописи... Зенкевич — четвертый акмеист (предыдущие три — Ахматова, Мандельштам, Гумилев). За ним пойдет, наверное, Нарбут... Мы знали о Зенкевиче мало — только как о переводчике американской поэзии...

— И знаменитого «Ворона» Эдгара По!

— А ведь это первоклассный поэт. Примерно 75 процентов его рукописей нам было неизвестно. Сейчас поднят его роман-мемуары «Мужикский сфинкс». Издание Михаила Зенкевича будет открытием.

— Кажется, книжные «пираты» издают Зенкевича на всю

катушку: «КО» писало об акциях наших «флибустьеров».

— Пираты издают известное. А я говорю о том, что лежит еще в архивах — в семье.

У меня есть рукопись Якова Кейхауза, которого мы знаем по четырем строчкам:

Нам отпущено чудо —

Удивляться всегда

Приходящим оттуда,

Уходящим туда.

Можно назвать многие имена в каждой литературе: на Украине следовало бы издать поэтов «расстрелянного Возрождения». У нас считалось, что 1907—1913 годы позора. А именно в это время работали гиганты поэтического слова. То же самое продолжалось и в последующее десятилетие.

Появившаяся вседозволенность мешает издать все эти сокровища. Я бы назвал это...

— Рыночной экономикой, превратившейся в базар?

— И на этом базаре промышленные кликуши, которые громче всех кричат, подсовывая читателям свое непотребство. Ну, не умеют они писать! Что здесь долго говорить? Не умеют писать — но заявляют о себе как о лидерах новой литературы, называя ее и авангардом, и андерграундом, и постмодернизмом... Неважно, как называться. Я не знаю, кто такой Тютчев. Его называли романтиком, но я тут же берусь вам доказать, что он был реалистом...

Из истории известно, что люди, не умеющие писать, часто придумывали себе разные названия. Так было всегда: были ничевоки, была группа ХЛАМ (художники, литераторы, актеры, музыканты), существовали группы «Напор», «Натиск», «Вперед»... Некоторые объединения, не имеющие никакого отношения ни к авангарду, ни к постмодернизму стремятся обозначить себя «названием», потому что это модно. В конце концов, если присмотреться, выясняется, что писать они не умеют. Вот эта толпа сочинителей ринулась сейчас на рынок, подменяя боевой дух наглостью.

Все эти названия и обозначения летят в тартарары, когда встречаешься с по-настоящему творческой личностью. Обозначать следует творческую личность. Это меня всегда интересовало.

Литератора следует судить по его результатам. Как он их добывается, это его дело. Скажем, ведется дискуссия о переводе: нужен или не нужен подстрочник? Есть примеры: человек знает язык, но переводит плохо. И — наоборот — гениальные переводы, сделанные по подстрочнику. В искусстве нужен шедевр. Я всегда сужу по результатам! И себя — оцениваю с этой же точки зрения.

Сейчас я заканчиваю (хотя мне и больно произносить слово «заканчиваю») книгу «Портреты без рам». Мне всю жизнь везло на примечательных людей. Я дружил больше со старшим поколением. Когда оно ушло, я остался в одиночестве. У меня мало друзей среди моих современников, погодков. В книге есть имена Пастернака, Ахматовой, Зощенко, Конрада, Конон, Прокофьева, Галкина, Коленкова, Константинова... Хочу создать динамичные портреты в эпизодах, свидетелем которых я оказался, портреты людей в выразительнейшем их жесте.

— Раньше задавали вопрос: для кого пишете? Есть ли издатель?

— Нет, никакого издателя нет. Может быть, отдельные главы появятся в прессе. Сперва я должен удостовериться в законченности. Некоторые вещи переписываются по семь—десять раз. Мне опасно перечитывать себя: иногда при переработке я не оставляю от старого текста ничего.

За годы набралось 35 портретов. Но наша память работает очень странно: она не всегда дает то, что тебе нужно. Бывает, в какой-то момент она выбрасывает что-то неожиданное. Приходится быть начеку.

— Кто еще вошел в «портреты без рам»?

— Здесь будет Заболоцкий, Бабель, Олеша, Чуковский, Ксения Некрасова, Семен Гудзенко...

Идет работа над книгой «вспоминательной» прозы, я назвал ее «Поздняя оглядка». Это большое количество очерков о Пастернаке, Ахматовой, Заболоцком, Асееве, Сельвинском. Воспоминания идут рука об руку с творческими портретами этих поэтов.

(Окончание на стр. 14).

Очерков Лев

23.8.94.

92

Книжное обозрение. — 1994. — 23 авг. — с. 14.

(Окончание. Начало на стр. 5).

Всю жизнь накапливалась у меня книга о Пастернаке. Одна часть ее — мемуарная, другая — исследование его творчества. Задумана мною и частью осуществлена книга об искусстве перевода: что это такое — то, что немцы называют «нах диктунг» — «после поэзии», «второе рождение оригинала», «преобразование оригинала»...

— Один французский кинорежиссер говорил: ну вот, сценарий написан, осталось только снять фильм. Вам, как я понимаю, осталось только написать или закончить написание книг! Бог в помощь. Хотя, говорят, у Ростана была полка с особенными книгами: под роскошными обложками с корешками таились... пустые страницы — книги, которые он хотел бы написать...

— Мне предстоит ЕБЖ — если буду жив — еще отбор. Человечество имеет шедевры литературы. Если ты хочешь что-нибудь сказать, ты должен стоять на плечах гигантов. Я старался стоять на плечах гигантов, которые жили в прошлом или были моими современниками.

Вообще-то грешным делом, я раньше думал, что вся поэзия была раньше и кончилась на Чехове или на Бунине. Сейчас я так не думаю. Кончается XX век — и столетие можно рассмотреть как бы на ладони. У нас было очень много прекраснейших в разных областях творцов. Я счастлив, что был их современником и некоторые из них были моими учителями, от которых я получил напутствие.

— Какая из тех встреч, дозволенных вам Судьбой, наиболее запечатлелась в вашей памяти?

— Таких встреч — словно воспаленных точек моего существования — было немало. Не

Лев ОЗЕРОВ: «ЕСЛИ ПАУЗА ЗАТЯГИВАЕТСЯ, ПРОПАДАЕТ МУЗЫКА...»

буду предпочитать сейчас один эпизод другому... Это началось, скажем, в Киеве, где я родился и рос: встреча с Николаем Ушаковым, блистательным поэтом, который до сих пор, несмотря на все наши усилия, никак не стал в первый ряд. Помню, Николай Николаевич показал мне статью Давида Бурлюка — о нем, об Ушакове. И Бурлюк был прав: человек, сказавший «Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь», — уже вписал себя в классику. В русскую поэзию можно войти одной-двумя строчками...

— Например, такими, какие написал Лев Озеров: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Или о бывшем Ленинграде — «Великий город с областной судьбой». Кажется, корреспонденту «Литературки» Илье Фоянкову пришлось поднять весь материал и показать, что строка, ставшая народной, — из стихотворения Льва Озерова. А такие крылатые строки, как «Всю жизнь я собираюсь жить...», «Поэзия — горячий цех», «Из рук твоих мне мягок черствый хлеб»... Сколько раз эти строки брались в эпитафии, цитировались?!

— Свойство времени таково, что автор иногда забывается — при жизни (и это ужасно!), а потом вдруг начинается его пересмотр. Для этого нужны особые обстоятельства.

Кстати, добавлю к вопросу о моих встречах: это и Пастернак, и Ахматова, и Антокольский, и Луговской, и Светлов... Могу продолжать список. Я так много получил, что вижу свой долг не только в упоминании имен этих поэтов, но и в том, чтобы показать их значение в нашей литературе. Может быть, и я что-нибудь смогу добавить к общему впечатлению.

— Какая черта вам нравится в писателе Льве Озерове и какая не нравится?

— У меня есть несколько вариантов одного сочинения «О себе в третьем лице». Это попытка каким-то третьим глазом взглянуть на себя со стороны. Повторю одну фразу, сказанную Бабелем, которую он, кажется, записал на обороте своей фотографии: «Вот фотография человека, который всю жизнь боролся с самим собой». Я никогда не был упоен собой. Я считал, что мог бы больше добиться. Кое-какие вещи не сумел воплотить. Это

горько. В позднюю пору начинаешь о себе думать довольно строго. Своим студентам и аспирантам в Литинституте я раньше мог давать советы. Сейчас я никогда этого не делаю. Я говорю им: «Я бы поступил вот так...» И все! Дешевле всего дается советовать. Сейчас мы слышим очень много советов. Они даются в разной форме: как жить? как писать? как строить государство?...

— Как жить нельзя? Как обустроить Россию?...

— А нужно-то всего приложить руки к делу. Очень многие занимаются не своим делом. Если у меня и есть достоинство, то это — вовсе не достоинство, а обычная человеческая черта: я старался быть полезным, а не ярким. А если что-нибудь и блеснуло, то это потому, что я считал: запечатлеться в богатейшей русской литературе хоть одной строчкой — это уже сделанное дело. Вспомним профессора Мерзлякова, у которого учились Лермонтов, Тютчев, Грибоедов. Он писал сочинения о риторике, был великолепный оратор, создал книгу стихов... И остался в нашей памяти — песней: «Среди долины ровныя...» А

что осталось от Одоевского? «Из искры возгорится пламя...» Строка!

— И какая строчка! Ее Ильич взял в эпитаф газет.

— Ее использовали и до Ленина, и сейчас повторяют. Слава Богу, что у нас были такие удачливые авторы, от которых осталось очень много.

— Хуже бывает, когда от автора остается тире между двумя датами.

Какую книгу, на взгляд Льва Озерова, сейчас было бы полезно прочитать всей России?

— «Исповедь» Льва Толстого. И если мы говорим об «исповедях», то можно было бы посоветовать прочитать «Исповедь» Августина Блаженного и «Исповедь» Руссо. Эти три исповеди хотел издать академик Конрад в «Литпамятниках», но ему это сделать запретили, а потом он... умер.

— А вообще-то, — сказал Лев Озеров в заключение нашей беседы, — чтение «КО» я начинаю с раздела «Сигнальные экземпляры». Это меня освежает и дает стимул к работе. Если бы нужно было выписывать только одну газету, я бы выписал «Книжное обозрение».

Ну, а мы от имени читателей и редакции «КО», у основания которого стоял Лев Озеров, поздравляем мэтра с восьмидесятилетием и желаем ему претворения всех планов в жизнь. А планы писателя — это создание и издание книг. Счастья вам, здоровья, книг и света, дорогой Лев Адольфович!

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.

43 Фото Н. КОЧНЕВА.